

*Сидни, Эмме, Сейди и Джеку.
Я так вас всех люблю!*

ГЛАВА 1

Не все клубника со сливками

Уимблдон.

Июнь 2015 года

Не каждый день зрелая особа с тугим пучком на затылке и в фиолетовом костюме из полиэстера приказывает тебе задрать юбку. Резким, деловитым тоном и с британским акцентом.

Бросив взгляд на Марси, своего тренера, Чарли подняла края плиссированной белой юбочки.

— Выше, пожалуйста.

— Уверяю вас, мэм, там все как полагается, — проговорила Чарли со всей вежливостью, на какую была способна.

Женщина не ответила, лишь прищурилась и окинула ее жестким взглядом.

— Полностью, Чарли, — строго сказала Марси, едва сдерживая улыбку.

Чарли подняла юбку, открыв верхний край белых лайкровых шортов.

— Нижнего белья нет, но шорты — двойного слоя. Даже если я сильно вспотею, ничего не будет просвечивать.

— Хорошо, спасибо. — Женщина сделала пометку в блокноте. — Теперь топ, пожалуйста.

В голову пришло не меньше дюжины шуток — это как поход к гинекологу, только в спортивной форме; на первом свидании она не каждому показывает нижнее белье и так далее, — однако Чарли сдержалась. Уимблдонские работники приветливы и вежливы, но никто не заподозрил бы у них наличия чувства юмора.

Она задрала топ так высоко, что он закрыл часть лица.

— Лиф из того же материала. Совершенно непрозрачный, даже если промокнет.

— Да, вижу, — буркнула женщина. — Только вот лента цветная по низу.

— Резинка? Она светло-серая. Вряд ли это можно считать цветом. — Марси ответила спокойно, но Чарли заметила едва уловимую нотку раздражения.

— Мне нужно ее измерить.

Из маленькой поясной сумки, надетой поверх костюма, женщина достала обычную желтую измерительную ленту и тщательно обернула ее вокруг грудной клетки Чарли.

— Закончили? — спросила Марси. Ее раздражение было теперь вполне очевидно.

— Почти. Мисс, ваша кепка, напульсники и носки — приемлемы. Есть только одна проблема, — сказала женщина, поджав губы. — Обувь.

— А что с обувью? — спросила Чарли.

«Найк» буквально лез из кожи вон, чтобы сделать ей кроссовки, полностью удовлетворяющие строгим требованиям Уимблдона. Ее обычный веселый и яркий костюм полностью сменился на белый. Не кремо-

вый, не молочный, не слоновой кости, а чисто-белый. Кожа кроссовок была белой. Шнурки были белые-белые-белые.

— Подошва целиком розовая. Это нарушение.

— Нарушение? — с недоумением переспросила Марси. — Бока, задник, верх и шнурки чисто белые, строго по правилам. Логотип «Найк» даже меньше, чем требуется. Какие проблемы могут быть с подошвой?

— Боюсь, такие крупные цветочные пятна не допускаются даже на подошвах. Ограничение — полоса в сантиметр.

Чарли в панике обернулась к Марси. Та успокаивающе подняла руку.

— Что вы предлагаете, мэм? Через десять минут девочке выходить на Центральный корт. И вы говорите, она не может идти в кроссовках?

— Разумеется, она *может* идти в кроссовках. Однако, согласно правилам, она не может идти в *этих* кроссовках.

— Спасибо за пояснение, — фыркнула Марси. — Мы что-нибудь придумаем.

Она схватила Чарли за руку и потащила ее к одной из разминочных комнат в конце раздевалки.

Видя беспокойство тренера, Чарли чувствовала себя как при турбулентности в самолете — когда смотришь на стюардесс, желая убедиться, что все в порядке, и до тошноты боишься увидеть на их лицах панику. Марси тренировала Чарли с пятнадцати лет, когда отец решил, что научил ее всему, что умел. Он выбрал Марси в первую очередь за ее тренерское чутье, но также и потому, что она была женщиной. Мать Чарли умерла от рака груди несколько лет назад.

— Жди здесь. Сделай растяжку, съешь свой банан, ни о чем не думай — сосредоточься на том, как порвешь Аттертон в пух и прах. Я скоро вернусь.

Слишком нервничая, чтобы сидеть, Чарли мерила шагами разминочную и пыталась потянуть икроножные мышцы. Могли они уже остыть?

Карин Гейгер, посеянная четвертой, девушка с крупной квадратной фигурой, из-за которой получила не очень красивое, но любовное прозвище Немка-великанша, сунула голову в комнату.

— Ты на Центральном, да? — спросила она.

Чарли кивнула.

— Там просто сумасшедший дом, — прогудела Карин с сильным немецким акцентом. — В Королевской ложе сидят принц Уильям и принц Гарри. С Камиллой, что весьма необычно, потому что, говорят, они друг друга недолюбливают. А принца Чарлза и принцессы Кейт нет.

— Правда? — спросила Чарли, хотя она уже это знала. Как будто первая в ее карьере игра на Центральном корте Уимблдона не была достаточным стрессом, так она еще должна была играть с единственной посеянной британской одиночкой. Элис Аттертон в международном рейтинге стояла пятьдесят третьей, но она была молода, и ее считали следующей Великой Британской Надеждой; вся страна будет болеть за то, чтобы она разгромила Чарли.

— Ага. Еще Дэвид Бекхэм. Но его не так уж удивительно видеть — он всегда и везде. И один из «Битлз»... который из них еще жив? Не помню. Да, и вроде бы Наталья сказала, что видела...

— Карин, извини, мне надо сделать растяжку. Удачи тебе сегодня. — Чарли не любила быть грубой, особенно с кем-то из редких приятных девушек в турне, но не могла разговаривать больше ни секунды.

— Да, конечно. И тебе удачи.

Едва исчезла Карин, как в дверях появилась Марси — с большой холщовой сумкой, полной белых кроссовок.

— Быстро, — сказала она, вытаскивая первую пару. — Десятка, по счастью, узкие. Меряй.

Чарли села на пол. Черная коса больно ударила ее по щеке. Она натянула левый кроссовок.

— Это «Адидас», Марси, — сказала она.

— Мне плевать, как «Найк» воспримет, что ты играешь в «Адидас». В следующий раз пусть делают кроссовки как положено — ни им, ни нам не придется волноваться. А сейчас наденешь то, что подойдет по размеру.

Чарли встала и сделала осторожный шаг.

— Надень второй, — сказала Марси.

— Нет, велики. С пятки соскальзывает.

— Следующий! — отрывисто бросила Марси, кидая ей еще один «Адидас».

На этот раз Чарли примерила правый и сразу покачала головой.

— В пальцах тесновато. Мизинец сильно жмет. Может, примотаем мизинец и попробуем...

— Ни за что. Вот. — Марси, расшнуровав пару «Кей-Свисс», надевала их Чарли на ногу. — Должны подойти.

Левый наделся легко и вроде был по размеру. Чарли надела второй и зашнуровала. Кроссовки выглядели громоздкими и некрасивыми, зато оказались по ноге.

— В самый раз, — сообщила Чарли, хотя ощущение было такое, будто на ногах цементные колодки. Она попрыгала, коротко пробежалась и сделала выпад влево. — Тяжеленные, как пара кирпичей.

Когда Марси полезла в сумку за последней парой, из потолочных динамиков прозвучало объявление:

— Внимание, игроки! Элис Аттертон и Шарлотта Сильвер, пожалуйста, подойдите к администратору турнира для выхода на корт. Ваш матч начнется через три минуты.

Марси опустилась на корточки и надавила пальцами на мыски кроссовок.

— Тут определенно свободно. Не слишком? Подойдут?

Чарли еще пару раз подпрыгнула. Да, тяжелые, но это определенно лучший вариант из трех. Надо бы, наверное, попробовать последнюю пару, однако она взглянула на открытую дверь как раз вовремя, чтобы увидеть Элис в чисто-белом наряде, идущую мимо разминочной комнаты в сторону корта. Пора.

— Подойдут, — ответила Чарли с большей уверенностью, чем испытывала на самом деле. Выхода нет, невольно подумалось ей.

— Вот и молодец. — На лице Марси мгновенно отразилось облегчение. — Идем.

Марси перекинула через плечо лямку огромной теннисной сумки Чарли и поспешила к двери.

— Помни: подкручивай как можно сильнее. Она плохо справляется с высокими мячами. Пользуйся преимуществом своего роста, бей высокие мячи под левую руку. Тебе потребуется не столько сила, сколько последовательность, точность и разумность. Силу прибереги на потом, хорошо?

Чарли кивнула. Они только подходили к турнирному столу, а она уже чувствовала, как напряжены икроножные мышцы. Ей кажется, или правый кроссовок немного натирает в пятке? Да, натирает. Наверняка понадобится пластырь.

— Наверное, стоит попробовать те последние...

— Шарлотта? — Другая женщина в таком же фиолетовом полиэстеровом костюме с юбкой взяла Чарли за локоть и провела ее к последним десяти ступенькам до турнирного стола.

— Пожалуйста, поставьте подпись здесь и здесь... спасибо. Мистер Пул, обе участницы готовы, проводите их на Центральный корт.

Глаза Чарли и ее соперницы встретились на долю секунды. Они вежливо кивнули друг другу. В первый и единственный раз, когда они играли вместе — два года назад, в первом круге «Индиан-Уэллса» — Чарли выиграла со счетом 6:2, 6:2.

Чарли, Марси, Элис и тренер Элис проследовали за мистером Пулом по туннелю, ведущему к самому знаменитому теннисному корту в мире. На стенах по обе стороны висели огромные глянцевые черно-белые фотографии теннисных легенд, вышедших победителями с Центрального корта: Серена Уильямс, Пит Сампрас, Роджер Федерер, Мария Шарапова, Энди Мюррей — сжимающие в руке кубок, целующие его, с высоко поднятой в руке ракеткой, с воздетым в воздух кулаком. Ликование на лицах. Победители. Элис тоже смотрела на фотографии, пока они шли к двери, которая вела на Центральный корт.

Марси с силой сжала предплечье Чарли, и та вернулась в реальность. Она забрала у тренера теннисную сумку и перекинула лямку через плечо, словно сумка ничего не весила, хотя внутри лежали шесть ракеток, рулон намотки, две бутылки «Эвиан», бутылка «Гаторейд», два сменных костюма (точно таких же, как на ней), запасные носки, напульсники, эластичный бинт для плеч и коленей, пластыри, айпод, наушники, два козырька, капли для глаз, банан, упаковка «Эмерджен-С» и в маленьком боковом кармашке на молнии — ламинированная фотография матери, которая сопровождала Чарли на каждой тренировке и каждом соревновании. Марси и тренер Элис пошли на свои места на трибуне.

Хотя обе соперницы вышли на корт одновременно, Элис, домашнего фаворита, болельщики приветствовали громче. Но не имело большого значения, кого они приветствуют: пульс Чарли участился так же, как на любом матче, большом или маленьком. Только на этот

раз она чувствовала трепет в груди и возбуждение. Центральный корт Уимблдона. Она позволила себе быстрый взгляд на трибуны, охватив все взглядом за секунду. Толпы хорошо одетых людей вежливо им аплодировали. «Пиммс». Клубника со сливками. Костюмы пастельных оттенков. Она выступала в Уимблдоне уже целых пять раз, но это — Центральный корт.

Слова «Центральный корт» повторялись в ее мыслях снова и снова, пока Чарли пыталась заставить себя сосредоточиться. Обычно, дойдя до своего стула, она выполняла одни и те же действия: определенным образом ставила сумку, аккуратно расставляла бутылки с водой, надевала напульсники, поправляла козырек. Это помогало собраться. Сегодня она вела себя как обычно, но почему-то продолжала замечать все то, что должно было уйти на задний план: зрителей, камеры, людей, судью на вышке — и больше всего то, как носок соскользнул в кроссовок, чего никогда не случалось прежде с ее собственной обувью. Чарли имела достаточно опыта, чтобы знать: ничего из этого не является особенно добрым знаком. Неспособность контролировать свои мысли перед началом игры редко приводит к чему-то хорошему. Однако отключиться от внешнего мира не получалось.

Разминка прошла как в тумане. Чарли бездумно посылала укороченные удары и свечи, била сопернице то под левую, то под правую руку.

Девушки отступили на задние линии, чтобы сделать несколько подач. Элис выглядела спокойной и уверенной; ее стройные ноги легко передвигались по корту, узкий мальчишеский корпус без видимых усилий сгибался и разгибался, доставая мяч. Чарли напряглась. Хотя новые кроссовки были нужного размера, у нее уже болели своды стоп, а правую пятку саднило. Снова и снова она приказывала себе вернуться в настоящее, к есте-

ственному драйву, который чувствовала всякий раз, когда была по мячу именно так, как задумывала, и он летел точно туда, куда она его посылала. А затем внезапно начался матч. Она проиграла жребий на монете, и ее противница готовилась к подаче, отбивая мяч о корт. Жребий ведь проводили, так? Кажется, да. Почему она не помнит?.. Шух! Мяч пулей просвистел мимо ее правого плеча. Она даже не успела сделать замах. Очко. Первое очко матча в пользу соперницы. Трибуны взревели настолько громко, насколько им позволял британский этикет.

За четыре минуты и тридцать секунд Элис выиграла первый гейм. Чарли взяла лишь одно очко — и то благодаря тому, что Элис сделала двойную ошибку. «Сосредоточься! — кричала она себе. — Матч закончится, не успеешь и оглянуться! Хочешь вылететь из Центрального уимблдонского корта, даже не сделав попытки? Только лузеры так поступают! Лузеры! Лузеры! Лузеры!»

Мысленные крики сработали. Теперь Чарли держала свою подачу и давила соперницу. Она повела в счете 2:1 и начала успокаиваться. Уровень адреналина, который доводил ее до тошноты в начале матча, снизился до спасительно умеренного состояния: Чарли перестала чувствовать сползающие носки, не отвлекалась на лица известных людей в Королевской ложе и не слышала мягких аплодисментов и негромких одобрительных возгласов невероятно благовоспитанной английской публики. Ничего не существовало, кроме ее ракетки и мяча, ничего не имело значения. Она сосредоточилась на мяче и сопернице.

Чарли выиграла первый сет со счетом 6:3. Впрочем, радоваться рано. До окончания матча еще далеко.

Во время смены сторон она выпила немного воды — маленькими размеренными глоточками. Даже это по-